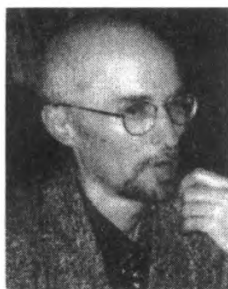

женного неблагоприятному влиянию среды обитания; совершенствование и развитие комплексного мониторинга и управления окружающей средой; разработку перспективных градостроительных решений, обеспечивающих в комплексе экологическую безопасность и устойчивость социально-экономического развития города. К 2005 году предполагается стабилизировать экологическую обстановку и обеспечить поэтапное снижение уровня загрязнения окружающей среды; к 2010 году снизить загрязнение объектов окружающей среды на 30–50 %; уменьшить экологически обусловленную заболеваемость на 15–30 %; к 2015 году уменьшить загрязнение окружающей среды до нормативных уровней; снизить экологически обусловленную заболеваемость на 30–50 %, создать экологически безопасные и комфортные условия проживания для населения Екатеринбурга.

С. Л. Кропотов

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

С самого своего возникновения города играют особую важную роль в истории экономического развития окружающего их пространства. Динамика городского развития определяет характер и ритм социально-экономических изменений, воплощая социальную организацию экономики в этих сгустках пространственной организации общества.

Новизна постиндустриальной экономики в том, что основным капиталом служат идеальные знаковые реальности, основным продуктом – знаковые различия и визуальные образы. Сфера интересов этой экономики охватывает область научного знания, языковых игр, а характеризующее ее суть изобилие – это прежде всего избыток информации, образов и знаковых систем. Замечательно в нынешней экономике и то, что она настолько сложна, отчужденно-автономна и многомерна, что способна к самоорганизации. Она настолько превышает возможности контроля за собой со стороны всех традиционных экономических субъектов, что превратилась в суверенного субъекта, самовластно берущего их под свою опеку. Похоже на то, что сегодня сама игра экономических стихий стала субъектом игры на этом поле, и в качестве рукотворного Рока кого-то она ведет за собой, вынуждая не делать ошибок, а кого-то тащит, заставляет быть вечно новыми и пластичными или, как говорит Ариэль в шекспировской «Буре», быть «богатыми и странными».

Из многочисленных следствий новой ситуации вслед за авторитетным чикагским экономистом П. Ф. Друкером и не менее авторитетным искусствоведом Ч. Дженксом [Кропотов, 1999: 144–

149] мы выделим лишь некоторые. Прежде всего это – инверсия отношений первичное/вторичное, внутреннее/внешнее, естественное/искусственное. Кроме того, экономика по своему глобальному охвату, позитивным и негативным результатам приобретает статус квазинатуральности, т. е. действует как природные органические силы, представляя собой своего рода экологию, окружающую среду. Масштаб всеобъемлющего воздействия искусственной среды на натуральную сопоставим с действием природных сил. Но, превращаясь во вторую натуру, симбиоз экономики и культуры приобретает качество геологически функционирующего пространства «ноосферы» (В. И. Вернадский).

Многократно зафиксированная повышенная активность экономически обращающихся знаков, способных подчинять себе и поглощать прежде «объективную» реальность [Бодрийяр, 2000: 7, 19, 54–55, 70–71, 88–101], подменяя ее семиосферой, приводит к появлению новых отраслей научного знания, трактующих и читающих природу или город как исторически сложившийся текст.

В одном из таких новых направлений современной теоретической географии – семиотическом описании культурного ландшафта – анализ семантики гор и городов в неразрывной связи с окружающим контекстом остается одной из самых трудных, малоизученных и в то же время перспективных проблем. Горные страны и города трактуются в ней как центры (ядра) больших узловых регионов, своего рода «скрепы ландшафта». Уральский хребет как важный структурный элемент архитектуры организма страны, костяк его несущей системы подразумевает соединение «позвонков» вместе с разграничительной смысловой функцией оси, разделяя тело человека или страны на правую и левую части. Урал парадоксально сочетает функции центра и естественной границы в ее контактной ипостаси (границы-контактора, медиатора) [Каганский, 2001: 113]. Горный хребет – разделитель огромных водных бассейнов Волжско-Камского и Обского, по которому проходит граница частей света – концентрированный геологический, исторический и социокультурный феномен, несущий на себе не только тяжесть структурирования безразмерного тела страны, но и колоссальную семантическую нагрузку. Вот почему город на хребте естественным образом становится концентратором и смысловой густоты ландшафта.

В символических и мифологических описаниях города и горы всегда наделялись сходством – это ясно очерченное, выделенное, сакрализованное, вертикально обустроенное место. Города часто уподобляются горам, воспроизводят их и подражают им в качестве важнейших символов сакрального верха, вертикали.

В прежние советские времена мифология «Урала – опорного края державы», «Каменного пояса» активно и грамотно разрабатывалась. Так было до тех пор, пока в последние десятилетия перед падением империи непомерно разросшийся образ столицы как «головы без тела», отлетевшей от страны в иное цивилизационное измерение, не затмил оппозицией центра/провинции (периферии) семантики любых внутренних и внешних границ, не истощил энергии всех малых российских идеологов.

Уже поэтому актуализация вопроса о европейско-азиатской границе – проблема не столько природная, физико-географическая, сколько культурно-семиотическая. Взамен рухнувших вокруг соцлагеря внешних границ

образовалось на самом, казалось бы, «ровном месте», огромное количество границ внутренних, видимых даже из космоса, межрегиональных и невидимых парадигмальных, ментальных, межэтнических различий, непрерывно воспроизводимых разностью технологических и жизненных укладов прежде «единого и неделимого Союза». В силу объективных социально-экономических причин произошла инверсия границ внешних и внутренних, что сделало вновь злободневной задачу обживания пограничного культурного пространства, обустройства переходов в нем.

Одновременно стоит подчеркнуть, что в современном мире богатство конструируется в первую очередь внутренними различиями, разграничениями социально-экономической среды и культурного пространства. «Любая неоднородность ландшафта есть источник ресурсов в нем» [Каганский, 2001: 100, 106]. Поэтому города и горы есть ядра внешнего и внутреннего разнообразия ландшафта. Они поляризуют его, как прежде это делали границы внешние, и на сегодня они становятся очевидными, непосредственно данными границами внутренними, организующими не только объективный порядок ландшафта, но и его видение.

Города и горы образуют миры разнообразия жизненных ниш для организационной и экономической жизни, в силу этого Екатеринбург исторически и логически полифункционален, поликультурен, полиэтничен. В этом качестве города становятся центрами гравитации политической мощи и экономической власти, концентрируют в точках пересечения своих силовых линий значительный символический (имагинативный) капитал, которым надо уметь грамотно и эффективно распорядиться.

1. Урал представляет собой наложение нескольких уровней геологических и культурных, вертикальных и горизонтальных границ: лес/степь, «Арктида/Скифосарматия», Предуралье/Зауралье. Но главное – это стык индустриальной и аграрной цивилизации, разных жизненных миров, т. е. важнейший русский «фронтир», совмещающий черты периферии и границы как открытой контактной зоны в экономическом, политическом и в социально-психологическом смысле. По мнению историков, это был естественный предел (перевал) в освоении необъятного пространства, переход от сплава к волоку через хребет и далее к новым сплавам уже по сибирским рекам. Следует подчеркнуть невозможность постепенного и «беспроблемного» перехода смысловых, пространственно-временных границ, которая зафиксирована в научном и архаически-фольклорном сознании, будь то русские сказки или англо-саксонский жанр «фэнтези» у Толкиена (к примеру, переход через Мглистые горы). Впрочем, и мифологию «Перехода Суворова через Альпы» здесь тоже вполне уместно вспомнить. Итак, полагает В. Каганский, города и горы – места концентрации контрастов и наложения различных систем координат (градиентов), «экстремальных значений культурной и природной среды; мир скачков». Только «растратным» путем, концентрацией для «подвига» и тратой сил в прорывном движении – со скоростью свободного падения в бездну возможно перемещение из одной культурной среды в другую среду.

2. Если горы, города и реки – это важнейшие единицы культурного ландшафта, причем «города есть горы экономического рельефа» [Каганский, 2001: 96], то город на осевых, граничных горах у реки – это утрированная разграниченность среды, перекресток координат, возникший как точка производства утрированного значения. Здесь «обрываются» Россия и Ев-

ропа, здесь гибелью Романовых маркируется конец «петербургского периода российской истории» – европеизации первой волны, чтобы уступить место еще более радикальной европеизации советской пробы вместе с ее колоссальной, невиданной прежде интервенцией индустриальной цивилизации на азиатский субконтинент! Екатеринбург/Свердловск замыслился и исторически развивался как место размещения символического капитала власти, решавшей террористическим образом «упавшие с неба» на территорию неразрешимые экономические и политические задачи ускоренной индустриальной модернизации страны.

Подобный приграничному Петербургу или многим крупным американским городам, возникшим именно на границе нескольких штатов, Екатеринбург в качестве центра осуществляет инверсию отношений периферия/провинция (если первая пригранична, то последняя прицентрально). Он размыкает замкнутую на Москву иерархию смысловых отношений пространства европейской части России. Тем самым город на горах присваивает некоторые социокультурные статусные функции центра – быть герменевтической машиной, осуществляющей перевод кодов несовместимых жизненных укладов, быть политемпоральным многомерным ландшафтным местом, отвечающим за нормативно-семиотическое обустройство территории, за производство и поглощение знаков. Таким образом, если в культурном ландшафте России Урал и Екатеринбург – каждый уже по отдельности – выполняют функции границ – скреп, интеграторов отдаленных природных, экономических, ментальных укладов, то их непосредственно данная близость образует уникальную и неразрывную символическую пару – сравнительно небольшую контактную среду, геокомпоненту с повышенным знаковым содержанием.

3. Тема «ворот из Европы – в Азию» означает, что Екатеринбург был некой европейской витриной в Азии, неслучайно многие путешественники и писатели, например В. Гумбольдт или Б. Пастернак, отмечали европейский вид города. Но тема ворот маркирует не только различие между частями света, но и цивилизационный рубеж: Средний Урал – это еще и своего рода «звездные врата» из одного отграниченного смыслового пространства в другое, зона превращения вчерашних крестьян и люмпенов в промышленных рабочих, место социокультурного производства городских жителей. Следует заметить, что экономическая роль городов не была всегда и не остается навечно связанной с индустриальным производством: в пред- и постиндустриальных обществах эта функция вовсе не является доминирующей, уступает место финансовой, научно-исследовательской, образовательной, сервисной деятельности.

Если города и горы в равнинном ландшафте (Владимир Каганский) являются нарушением его постепенности в стране избыточного пространства, то горный город – город «в квадрате», горный перевал «в кубе». Екатеринбург представляет собой «закономерное нарушение монотонности среды, сгусток дифференциации и контрастов», является искусственно воздвигнутым пределом на пределе естественном. Как плотина на естественном течении маловодной горной реки, он – место разрыва естественного положения аграрного порядка вещей, точка прорыва в иной жизненный мир.

4. «Города и горы связывают далекие территории, создают узловые микрорайоны и служат их центрами, ядрами, узлами, осями, фокальными

и экстремальными зонами» [Каганский, 2001: 97]. Их положение специфично стабильностью (ученые зачастую говорят о городах как о парадоксальном сочетании консервативности и динамики) и овеществленностью – «оно почти абсолютно», поскольку города и горы сами создают свое статусное положение, как бы предоставляя материал для сверки. Это относительно них оценивается положение всех остальных субъектов и объектов на культурной сцене, поскольку это – «узловые районы культурного ландшафта» [Каганский, 2001: 96–97]. В целом города и горы действуют поляризующе: они увеличивают количество осадков, «концентрируют и хранят ресурсы – экономические, культурные, социальные, обслуживают смежные территории».

«Города и горы – мощные аттракторы, они притягивают активность и жизнедеятельность, трансформируют и обогащают фоновые территории. Города и горы – мощные, возможно, главные факторы формирования внефоновых, азональных культурных ландшафтов, города и горы сами суть азональные ландшафты, формируют азональные поля и новую концентрированную зональность, порождают системы экотонов, переходных зон. Они огромны: так, бассейн Вятки (Кировская область) – наложение дальних периферий Москвы и Урала; весь макроландшафт Франции, по Броделю, – интерференция зон Парижа и Альп – Пиренеев... Города создают вокруг себя зоны и предпосылки сгущения жизни» [Каганский, 2001: 99–100].

Из этой пространной цитаты следует важный вывод: по крайней мере, в совокупном выражении ландшафтное, а вместе с тем и экономическое, культурное, семантическое влияние Урала на территорию Европейской России и Западной Сибири сопоставимо с влиянием московским. И если одна из причин краха второй Российской империи была в пространственной и временной невменяемости власти, то, возможно, именно теперь пришла пора не только слышать веления времени, но видеть, читать и адекватно понимать строение пространственного тела страны в качестве текста.

5. Отсюда следует и необычайная открытость, сверхчувствительность таких пространственных точек к «музыкам революций», как индустриальной, так и постиндустриальной, положившей конец господству производственного капитала. Исследователи замечают, что реклама в западном обществе демонстрирует «статус горного ландшафта как символа высокого качества среды и жизни, здоровья, благополучия, всестороннего (личностного, финансового, телесно-эротического) успеха» [Каганский, 2001: 113]. Подобно Сизтлу или Петербургу/Ленинграду, Екатеринбург – «роковая» столица (во всех смыслах, включая музыкальный!) как место, где сходятся культурно-тектонические пласты с повышенной сейсмической активностью, семантической насыщенностью. «Музей рока» (в двойном значении) в таких местах скопления энергий и вдохновляющих людей смысловых полей оказывается вполне уместным и становится одним из важнейших аттракторов – притягательных мест культурного ландшафта. Так произошло в Сизтле, приватизировавшем вокруг имени гитариста Джимми Хендрикса всю историю музыкального мирового рока в самом банальном, в культурном смысле пустынном и семантически разряженном пространстве.

6. Города как центры накопления ценности, значения и значительности по-разному производятся в доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эпоху. В Новое время в них сосредоточивается и культурное производство, производство образов, включая и образы самого го-

рода. Важно подчеркнуть, что город является чем-то бóльшим, чем просто физическая реальность, место, где люди живут и работают. «Город является местом символическим во многих отношениях, репрезентативным для многих вещей. Город является плодом работы воображения, метафор и символов» (Д. Б. Шорт), соединением истории и значений. Как в буржуазном, так и в советском городе эта семиосфера сосредоточивается в публично-символических местах с повышенной степенью пространственно-временной плотности, как их называют Эдвард Релф, Ю Фу Туан, западные культурологи-урбанисты 70-х годов. Характерным моментом буржуазного города в состоянии модернизации является тотальная сознательная манипулируемость природным и человеческим материалом. Отмечается отчужденность публично-символических значений города для горожан в первом поколении, как навязываемых властью, иницилирующей насильственную индустриализацию.

7. В дальнейшем происходит постепенное обживание публично-символических мест по мере более глубокого городского окультуривания населения. Как молодая урбанистическая страна, мы, пожалуй, только сейчас подходим к важному этапу, давно пройденному индустриально развитыми странами – к преобладанию «горожан в 3-м поколении». Напомним, что только переписью населения 1959 года впервые в России зафиксировано преобладание городского населения над сельским. По мере прогрессирующей урбанизации, перехода к постиндустриальному обществу характерная для буржуазного города эпохи модернизма система жестких оппозиций стирается. Происходит превращение публично-символических мест *в места повседневной заботы*. Начинается их одомашнивание и обустройство, наполнение интимно-эмоциональной нагрузкой перекрестков, городских углов внуками горожан 1-го поколения («вот эта улица, вот этот дом, а вот эта барышня...» и т. п.)

8. Итак, в городе эпохи модернизма существует четкая система метафор для обозначения различий *между публично-символическими пространствами и местами повседневной заботы*. Для первых характерна высокая смысловая провокативность, вторым свойственна пониженная степень образности, неспособность будить фантазию как имажинативный капитал (важная составляющая в мире ценностей современного общества, связанная со способностью ощущать стратегию, иметь ощущение перспективы). Первые наделены качеством «священных» для сердца каждого англичанина, немца или русского места, в то время как второе – это всего лишь банальные места (дом, аптека, закусочная, пивная). Первые в идеальном варианте предстают как регулярный парк (к примеру, «культуры и отдыха» в советскую эпоху), противоположностью которого становится банальный сквер. Первые пропитаны духом монументальности и манифестируются монументом, воздвигаемым на главной площади, им противопоставлены банальный перекресток, ближайшее окружение горожанина, расположенная по соседству среда. В символических местах находятся монументальная архитектура, музеи, в то время как для мест повседневных достаточно и рыночной архитектуры (прозаических промтоварных магазинов с разной «мелочевкой» и торговых павильонов).

9. Еще раз подчеркнем, что в *постмодерной культурной ситуации* *снижается оппозиция символического и банального знакового городского пространства*, происходит *конвертация символического и знакового и, соот-*

ветственно, возникает иное чувство места, укорененности в нем – как понимание того, что это место является частью жизненного мира, как оно «работает», навязывая чувства притягательности, отталкивания (нравится/не нравится), как место принимается или отрицается.

В этой связи музейный бум в индустрии культуры на Западе с примечательным прокручиванием миллионов посетителей и денег с целью получения визуального удовольствия связан именно с этим новым чувством укорененности в повседневной среде с низкой символической нагрузкой. Но музеефикации подвергается именно повседневность – в ней показывается именно смена эпох, парадигмальных границ мышления в самых обычных (кухонно-гаражно-чуланных) вещах (этот эффект угадан был в телевизионной передаче «Старая квартира»), во всевозможных американских, австралийских городках-музеях золотоискателей, первопроходцев и т. п., экспонирующих всего лишь технику и технологию производства, практики повседневной жизни и во всех мелочах и подробностях – вещественный, предметный ряд образа жизни всего лишь столетней или даже полувековой давности. Природа и история в музеях, национальных парках и заповедниках экспонируются как товар в витрине, визуально потребляются и предстают в качестве материала для сверки ценностей, демонстрации исторических границ в ней. Рассказывание города и природы как текстов в современном музейно-выставочном бизнесе происходит с выставлением напоказ именно границ в них, «естественно-исторических» или геологических отложений как следов и рубежей исторического или геологического развития.

Одновременно с экспонированием своего промышленного прошлого все индустриальные города, если они хотят привлечь международный финансовый капитал, старательно прячут свое технологическое настоящее, всячески демонстрируя гостям: «посмотрите, фабрик больше нет в Скратоне и Сиракузах» или: «вдохните, в Питтсбурге теперь чистый воздух». Только те из них оказываются успешными в постиндустриальную эпоху, кому удалось преодолеть прежний имидж города со всеми сопутствующими индустриальному обществу негативными явлениями, заменив его на статусный образ культурного, научного, образовательного центра хотя бы регионального масштаба. Потому что именно знание, образование и информация, функционирующие ныне по законам денежного обращения, являются основными факторами, способными привлечь инвестиции.

Музей как «менеджер сознания», по выражению Г. Хааке, занят рассказыванием историй и мифов, тем самым помогая сконструировать образ воображаемого будущего, сегодняшней идентичности. Инсценировка значительности происходит на самом семантически пустом, «ровном и гладком» месте – Диснейленд тому яркий пример. В сущности, таков Петербург, равно как и пушкинский заповедник «Михайловское», деятельность Демидовых в Нижнем Тагиле, Музей молодежи в Екатеринбурге, Музей народного творчества в Нижней Синячихе.

У границ города, в непосредственной близости от границы Европы и Азии вполне логично смотрелись бы такие места приложения и притяжения знакового капитала, как, например, музей Чусовой или Транссиба, музей оружия. Подобно какой-нибудь «Европейской смотровой башне» в Роттердаме или Антверпене, хорошую прибыль могла бы приносить европейско-азиатская смотровая башня в нашем городе, будь она построена,

ведь в приграничных крепостях всегда строили дозорные или смотровые башни. Уверен, что инсталляция границы (кстати, наложение уникальных архитектурных стилей в Екатеринбурге также ее наглядный пример), выставление ее напоказ во всех смыслах может стать удачным и эффективным способом организации бизнеса вокруг «обыденного» места.

Нынешнее новое экологическое мышление применительно к культуре города включает в себя и историческое измерение. Однако отличие его в том, что последний оказывается теперь не столько феноменом внешней социально-экономической жизни социума (по афористичному высказыванию одного из хранителей горизонтов современной культуры Ж. Деррида, сегодня «внешнее <оказывается> внутри»). В постмодерной культуре история признается внутренним дестабилизирующим фактором человеческой субъективности, имманентным условием существования разума, определяющим его пределы. Историзм социально-экономической и семиотической ткани города проявляется прежде всего в изменчивости хозяйственных и ментальных укладов, наложении различных жизненных миров, но не менее важным является и изменение политик визуальной репрезентации среды. Ибо сегодня по преимуществу город концентрирует производство образов, в значительной степени по-иному провоцирует работу воображения, раскручивает машину желания к другому – будь то мыслительный горизонт или образ жизни.

Экология культуры города означает признание города как сложной самоорганизующейся и исторически изменчивой во времени системы. На практике это означает допущение сосуществования в нем различных жизненных миров, подобно тому как наложение различных архитектурных стилей классицизма и конструктивизма в Екатеринбурге воплощает застывшую в городском пространстве кристаллизацию разновременных жизненных укладов. Экологично видеть в этом разнообразии источник сегодняшнего и завтрашнего не только ландшафтного, но и экономического богатства.

Резюмируя сказанное, мы приходим к выводу о том, что экология культуры города означает сознательные и целенаправленные усилия как властей, так и гражданского общества, и бизнес-сообществ по воспроизводству разнообразия культурной среды обитания. Более того, само различие природы и культуры, естественного и искусственного, публично-символического и банально-повседневного сегодня утрачивает свою чистоту, образуя единую природно-семиотическую среду. Именно в воспроизводстве ее и вкладывают инвестиции страны, вступившие на стадию постиндустриального развития. Рано или поздно этим придется заняться и нам, если мы хотим придать городу инвестиционно-привлекательный облик.

Список литературы

- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
Казанский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
Кропотов С. Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург. 1999.